

Виктор
Сегален
Эссе об
ЭКЗОТИЗМЕ

Эстетика
Разнообразия

Ad Marginem

Виктор Сегален

Эссе об экзотизме.

Эстетика Разнообразия

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73960732

Эссе об экзотизме. Эстетика Разнообразия / Виктор Сегален: Ад

Маргинем Пресс; Москва; 2026

ISBN 978-5-908105-03-3

Аннотация

Поэт, философ и путешественник Виктор Сегален (1878–1919) оказал значительное влияние на наше представление о культурном разнообразии. В «Эссе об экзотизме» он формулирует самобытную концепцию устройства мира и размышляет о восприятии инаковости. Отвергая туризм и колонизаторство как самые распространенные в конце XIX – начале XX века способы взаимодействия с незападными цивилизациями и культурами, автор ищет ответ на вопрос: возможно ли по-настоящему постичь Другого через непосредственный чувственный опыт? Этот своего рода дневник размышлений стал одним из первых текстов, критикующих глобализацию, а идеи Сегалена легли в основу современных исследовательских подходов в этнологии.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие переводчика	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виктор Сегален
Эссе об экзотизме.
Эстетика Разнообразия

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

Предисловие переводчика

Как и большинство произведений Виктора Сегалена, «Эссе об экзотизме» не было издано при его жизни. До своей внезапной кончины в 1919 году в возрасте сорока одного года Сегален успел опубликовать всего три книги – новеллу «Беспамятные» (1907) и два сборника стихотворений в прозе: «Стелы» (1912) и «Картины» (1916). Но это лишь малая часть тех замыслов, которые он многие годы разрабатывал и которые сохранились в виде рукописей разной степени завершенности. В письме, адресованном жене, примерно за год до смерти, Сегален приводит что-то вроде шуточного реестра всех своих литературных начинаний: «У меня в работе три пьесы, десять романов, четыре эссе, две концепции мироустройства, трактаты о поэтике, об эстетике, об экзотике и о потустороннем, указатель непознанных вещей, еще около двадцати неподдающихся классификации трудов и четыре тысячи шестьдесят три статьи объемом от двухсот до двух тысяч строк; всё это я должен завершить, прежде чем окончательно уйду на покой. После чего подготовлю к изданию крайне пестрое собрание своих сочинений, чтобы читатели могли сами выбрать то, что им больше по душе».

Этим планам не суждено было осуществиться, и долгое время казалось, что большинство текстов Сегалена так навсегда и останутся неизвестными широкой публике. Их из-

дание стало возможным только спустя несколько десятилетий после смерти автора, во второй половине XX века, благодаря вспыхнувшему в Европе читательскому интересу к произведениям, созданным в преддверии и во время Первой мировой войны. Идеи Сегалена, его способ восприятия мира и поэтический язык, вероятно, оказались более понятны нынешним поколениям, чем его современникам.

Мысль написать «Эссе об экзотизме» впервые возникла у Сегалена во время возвращения в Европу после двухлетнего пребывания на островах Океании, куда он был направлен по службе, в качестве морского врача. В октябре 1904 года в его дневнике появляется запись: «Написать книгу об Экзотизме». В тот момент Сегалену было двадцать шесть лет, он находился на борту почтово-пассажирского судна, где-то на середине пути между родной Бретанью и Полинезией, ставшей для него, как он сам признавался, местом духовного и чувственного освобождения. С того дня мысли о книге, посвященной экзотизму, его уже не покидали, к работе над ней он возвращался на протяжении всей последующей жизни, — первая заметка подписана: «Октябрь 1904 года, с видом на остров Ява», последняя — «2 октября 1918 года, 10 часов вечера». В течение четырнадцати лет, с первого путешествия к далеким берегам и почти до конца своих дней, Сегален не переставал делать наброски, сочинять короткие эссе и обсуждать свою идею в переписке с друзьями, накапливая материал для будущей книги.

После первой, очень краткой записи, в которой, однако, обозначены все основные тезисы будущего труда, заметки прерываются почти на четыре года. Автор возвращается к ним лишь в июне 1908 года. Новым импульсом для продолжения работы послужил его интерес к Китаю, который, так же как и острова Полинезии, был одним из немногих оставшихся уголков мира, где еще сохранилась цивилизация, чьи ценности и традиции кардинально отличались от принятых в христианской западной Европе. Весной 1908 года Сегален начинает изучать китайский язык, и этот чисто языковой контакт стал для него еще одним мощным глотком экзотизма. Он возобновил работу над эссе – значительная часть заметок, по которым уже можно судить о масштабах замысла, была написана в промежутке между декабрем 1908 года и его отъездом в Китай в апреле 1909-го. В Китае он проживет несколько лет (до тех пор, пока в его жизнь не вторгнется объявленная в Европе война) и, находясь там, будет время от времени – в перерывах между исполнением обязанностей врача, археологическими экспедициями и написанием художественных текстов – возвращаться к идее. А самую последнюю заметку к эссе Сегален сделал в Бресте второго октября 1918 года. В ней он расширяет и уточняет понятие экзотизма и одновременно набрасывает структуру будущей книги, завершению работы над которой помешает смерть автора.

Экзотизм и всё, что под этим понималось, было чрезвычайно модным на стыке XIX и XX столетий, в период по-

следнего мощного всплеска колониальных завоеваний. Само слово «экзотизм» встречается в 1860 году в дневниках братьев Эдмона и Жюля де Гонкур, известных любителей неологизмов. А в 1866 году оно уже присутствовало во французских словарях. Тогдашнее значение слова можно определить как стремление к узнаванию традиций и нравов далеких цивилизаций и иных рас – в отличие от более привычной формы «экзотический», относящейся к характеристике самого объекта, которую за несколько столетий до этого, в 1552 году, ввел в обиход Франсуа Рабле, когда описывал «заморские, экзотические товары» в «Четвертой книге героических деяний и речений доблестного Пантагрюэля».

В то время, когда писал Виктор Сегален, в самом начале XX века, в канун мировой войны, процветал жанр так называемой колониальной литературы, активно эксплуатирующей тему экзотизма и экзотического. Среди наиболее ярких представителей были Пьер Лоти, морской офицер, автор романа «Госпожа Хризантема», Клод Фаррер, получивший за роман «Цивилизованные» Гонкуровскую премию в 1905 году, тоже морской офицер и хороший знакомый Сегалена, и, наконец, Поль Клодель со своим сборником поэтической прозы «Познание Востока». И хотя сам Сегален принадлежал к той же эпохе и, по сути, к той же среде (в частности, с Клоделем он всю жизнь вел переписку и восхищался им как поэтом), его понимание экзотизма и отношение к колониальным экспансиям европейцев полностью противоречи-

ли популярному в те времена подходу. Интерес к культуре и нравам цивилизаций с древней историей и решительное неприятие всего, что сглаживает или упраздняет различия, привели Сегалена к необходимости глубокого осмысления проблемы. В заметке, датированной 1908 годом, есть такие строки: «Начать следует с расчистки поля. Надо выкинуть за борт всё замшелое и пошлое, чем набито понятие „экзотизм“. Содрать с него всю мишуру вроде кокосовых пальм и верблюдов, колониальных шлемов, черной кожи и желтого солнца, а заодно очиститься от тех, кто так охотно эти образы насаждал. <..> А отсюда сразу перейти к определению ощущения Экзотизма, в основе которого лежит понятие иного – способность воспринимать Разнообразие, познавать нечто отличное от тебя самого. Экзотизм – это способность постичь Другого».

Подход Сегалена заключался в том, чтобы рассматривать иные цивилизации с нейтральных позиций, не оценивать их с точки зрения европейского сознания. Для того чтобы приблизиться к подлинному пониманию иной, отличной от своей собственной цивилизации, он сперва изучал ее язык, исследовал искусство, историческое прошлое и традиции. Жанр путевых заметок, основанных на простом наблюдении путешественника за окружающей средой, Сегален отвергал; в книгах, посвященных далеким мирам, он интересовался размышлениями наблюдателя о его воздействии на среду, в которую тот вторгается, и о том, как его, наблюдателя,

воспринимает среда. Ведь путешественник-европеец так же «экзотичен» для жителей Китая или Полинезии, как и аборигены этих краев для него самого. Определяя экзотизм как способность «чувствовать Другого» (понимаемого в широком смысле, т. е. «всего того, что не есть ты сам»), Сегален в основу своей концепции восприятия (и познания) мира помещает «наслаждение» от ощущения разнообразия. «Экзотизм – это не калейдоскопические впечатления туриста или праздного наблюдателя, но живая, заинтересованная реакция сильной индивидуальности, сталкивающейся с неким объектом, различие с которым эта индивидуальность принимает и смакует».

Намеренно взяв на вооружение порядком затертое слово «экзотизм», Сегален наполняет его совершенно иным смыслом. Размышляя над выбором терминологии, он замечает, что, вероятно, было бы разумнее не использовать такое спорное, перегруженное ненужными ассоциациями слово и изобрести какой-нибудь неологизм, однако всё же решает рискнуть, полагая, что оно «еще способно выстоять, несмотря на дурное употребление». Выстроенные в хронологическом порядке заметки, составляющие «Эссе», позволяют проследить за его поисками точных и емких формулировок. В октябре 1911 года он запишет: «Экзотизм для меня – вполне определенное понятие, обозначающее нашу способность ощущать Разнообразие».

Вначале пути все рассуждения Сегалена об экзотизме сво-

дились к анализу личного чувственного опыта, он говорил об этом как о собственном эстетическом принципе познания мира, как об индивидуальной способности ощущать разнообразие. Но с течением времени он всё более уверяется в универсальности своей концепции, в существовании закона экзотизма: изначально опыт экзотизма дается всем индивидам – «для ребенка экзотично всё, чем бы он ни заинтересовался», однако с возрастом большинство теряют способность к непосредственному восприятию, она притупляется, взрослый считает мир вокруг себя чем-то само собой разумеющимся. Человек стремится каждый новый встреченный им объект «одомашнить», свести к чему-то уже известному. Но экзотизм – это «не умение приспособливаться и не доведенная до совершенства способность постигать всё, что находится вовне, а непосредственное и острое восприятие вечной непостижимости». Экзотизм не совместим с полным растворением в другой культуре, это уничтожает его, убивает разнообразие: «Остро чувствуя Китай, я никогда при этом не хотел быть китайцем. Ощущая глубокую связь с ведийской эрой, никогда не сожалел, что не родился пастухом три тысячи лет назад». Экзотизм, по Сегалену, заключается во-все не в отречении от своих корней, наоборот, в его основе – сохранение некоей постоянной дистанции между собой и Другим, которая делает возможным чувственный и интеллектуальный взаимообмен. В этом встречно-направленном движении и заключается способ познания мира во всем его

разнообразии – разнообразие является всеобщим источником энергии, источником самой жизни.

Грандиозные исторические события начала XX века, свидетелем которых стал Сегален (революция в Китае, а затем и мировая война), ускорили процесс смешения разных народов и культур, что приводит его к печальным выводам о сокращении Разнообразия в масштабах планеты. Сегален был первым, кто заговорил об опасностях наблюдаемого явления: «Разнообразие сокращается. И в этом главная угроза земной цивилизации. А значит, надо бороться с вырождением, сражаться с ним не на жизнь, а на смерть». Когда-то главными врагами Разнообразия были торговцы «заморскими» товарами, которые видели в иных цивилизациях лишь источник нечестной наживы. Затем их место заняли колонисты и миссионеры, устанавливающие для всех покоренных народов единые законы и насаждающие чуждые моральные ценности. Но настоящим бедствием, угрожающим Разнообразию, Сегален называет праздных туристов, эти «блуждающие стада», расплодившиеся благодаря техническому прогрессу и бурному развитию средств передвижения. Туристы не стремятся по-настоящему познать Другого, наоборот, они вынуждают остальные культуры преображаться по их вкусу. В коротком, но фактически программном эссе, озаглавленном *Imago Mundi* («Мое видение мира»), Сегален пишет: «Наблюдая за тем, как отличные друг от друга ценности стремятся к смешению, к уравниванию, к деградации, я

пришел к выводу: все люди в той или иной степени подчинены закону экзотизма. И понимая, что Экзотизм в целом на поверхности Земли сокращается, я решил призвать своих собратьев-людей к тому, чтобы они хотя бы отчасти прочувствовали этот закон, который я поначалу считал лишь своим личным эстетическим принципом».

В отличие от произведений в популярном в то время жанре «экзотической» литературы, тексты Сегалена совершенно лишены колонизаторского оптимизма в духе позитивистской эпохи. Его рассуждения демонстрируют решительный, хоть и невысказанный напрямую, отказ от европоцентристской позиции в отношениях между западным миром и другими цивилизациями. Начиная с первой своей книги «Беспмятные», написанной по следам пребывания на островах Полинезии, он открыто противостоит колониалистским взглядам, которые царили в то время в европейском общественном мнении. А спустя годы с тревогой говорит о сокращении разнообразия, в котором важнейшую роль играет распространение всевозможных средств сообщения, ускорившее циркуляцию людей, идей и денег, – одним словом, всё то, что позднее назовут глобализацией: «Американцы, высаживающиеся в Бельгии, каждые четверть часа совершают покупок на двадцать две тысячи долларов, то есть тратят сорок франков в секунду – так теперь определяется „хороший вкус“». Деграция или угасание экзотизма, «истирание» Разнообразия – таков печальный вывод книги, но в

этом и ее важнейшее значение: Сегален раньше других ощутил пугающее «выравнивание» культур и пространств.

«Эссе об экзотизме», написанное в начале прошлого века, было опубликовано лишь во второй его половине, но высказанные в нем идеи не утратили актуальности, – почти сразу после публикации этот текст вошел в широкий научный оборот: отсылка к имени Сегалена во всех вопросах, связанных с темой экзотизма и проблематикой Другого, стала фактически обязательной. Его концепция лежит в основе современных исследовательских подходов в этнологии, требующих от наблюдателя отрешиться от собственных мыслительных шаблонов и учитывать в своих выводах оба фактора – и наблюдающего, и то, как его воспринимает наблюдаемый объект.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.